

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка

Эльзесер А.С.

Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России (ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России), г. Владивосток, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

В статье изложены результаты теоретико-эмпирического исследования становления склонности к экстремизму в образовательной среде. На основе анализа кейса определено, что склонность к экстремизму содержит компоненты: Признаки депрессивности, Одиночество, Дегуманизация окружающих, Декларирование превосходства, Мотивы мести, Положительное отношение к смерти. Составлена гипотетическая модель радикализации в юношеском возрасте на основе кейс-метода по материалам СМИ. Для эмпирической проверки модели проводилось исследование с участием студентов, где выборка ($n = 578$) была разделена на группы по признаку выраженности склонности к экстремизму. Использовались: методика для диагностики склонности к экстремизму (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер), 16-факторный опросник Р. Кеттелла. Производился расчет критерия Краскела—Уоллиса, коэффициент корреляции Спирмена. Определен паттерн, составляющий психологические особенности лиц, склонных к экстремизму: замкнутость и отчужденность, недовольство собой, признаки депрессивности, подозрительность, незрелость личности, конфликтность, низкая нормативность, готовность действовать. Таким образом, гипотетическая модель радикализации находит частичное подтверждение.

Ключевые слова: радикализация, модель радикализации, склонность к экстремизму, кейс-метод, одиночество, дегуманизация.

Для цитаты: *Эльзесер А.С.* Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 89–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140106

Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing

Anastasiya S. Elzesser

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

The article presents the results of a theoretical and empirical study of the formation of the propensity to extremism in the educational environment. Based on the analysis of the case

study, it was determined that the propensity to extremism contains the following components: Signs of depression, Loneliness, Dehumanization, Declaration of superiority, A revenge motive, A positive attitude towards death. A hypothetical model of radicalization in adolescence based on the case method using media materials was created. To empirically test the model, a study was conducted with the participation of students, where the sample (n=578) was divided into groups based on the severity of their propensity for extremism. We used a method for diagnosing propensity towards extremism (R.V. Kadyrov, T.V. Kapustina, E.V. Sadon, A.S. Elzesser), R. Cattell's 16-factor questionnaire, the Kruskal-Wallis test and Spearman correlation coefficient was calculated. A certain pattern that makes up the mental characteristics of persons with propensity to extremism was determined: isolation and alienation, dissatisfaction with oneself, signs of depression, suspicion, immaturity of the personality, conflict, low normativity, readiness to act. Thus, the hypothetical model of radicalization finds partial confirmation.

Keywords: radicalization, radicalization model, extremism; propensity for extremism; case method; loneliness; dehumanization.

For citation: Elzesser A.S. Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 89–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140106 (In Russ.).

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью профилактики экстремизма среди молодежи в связи с широким распространением в социальных сетях экстремистских материалов, несущих террористическую угрозу. Так, молодежная субкультура «Колумбайн» («Скулшутинг»)*, чьи последователи героизируют вооруженное нападение двух обучающихся на школу «Колумбайн», включена в список организаций, признанных террористическими в соответствии с законодательством Российской Федерации [10]. Для описания запланированного вооруженного нападения на обучающихся и персонал в образовательном учреждении с последующим суицидом (попыткой суицида) нападавшего используется термин «скулшутинг» (англ. school shooting). Склонность к экстремизму — один из важных компонентов готовности личности к совершению экстремистского насилия в образовательной среде.

Для оценки рисков в образовательной среде необходима разработка модели радикализации, которая объясняла бы психологический механизм процесса становления и усиления склонности к экстремизму — вопрос, остающийся открытым [11]. В настоящее время исследователями предпринимаются попытки проследить структуру и динамику развития склонности к экстремизму, определить основные движущие силы радикализации личности. Так, при исследовании юношеского экстремизма на первый план выдвигается неблагополучная социализация и психотравмирующий опыт, опосредующие депрессивно-тревожные расстройства, социальная отчужденность, фрустрация и враждебность, а также дальнейшее делинквентное поведение [39]. Отмечается, что ощущение собственного бессилия у террористов лежит в основе попыток восполнить самооценку через наказание «виновных», а оценка других людей как зла и их дегуманизация позволяют оправдать расправу над ними [36]. Существует версия, что дегуманизация как психологический механизм, разрешающий насилие, развертыва-

---

* Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») – организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

ется в виде цепочки: гнев → презрение → отвращение [46]. Другая модель включает сочетание мотива, возможности и условий: мотивом для насилия выступает недовольство; средство дает опыт обращения с оружием, а депрессия и кризис (в результате утраты здоровья, отношений или статуса) снижают альтернативную цену насилия, так как преступник чувствует, что ему нечего терять [45]. Существуют попытки изучать склонность к экстремизму у обучающихся, совершивших вооруженное нападение на школы, путем анализа кейса среди феноменов, близких скулшутингу: одиночных политических убийц 1949—1996 годов [45] и одиночных террористов [46]. Изучение кейсов российских «скулшутеров» привело к убеждению, что радикализация развивается случайным образом, поскольку зависит от конкретного контекста [42]; отсюда невозможность ее предсказать или заключить в модель радикализации. Наше исследование, напротив, основано на предположении о том, что профиль личности «колумбайнера» существует и поддается изучению [33], что предполагает выявление критериев склонности к экстремизму.

Оценка риска радикализации на основе выделенных критериев обладает большей объективностью, чем экспертная оценка, однако ее недостатком является зависимость от теоретической конструкции, на основе которой разрабатывается система критериев. Для нивелирования этого недостатка теоретическая конструкция модели радикализации должна соответствовать специфике радикализации, ее составляющие должны быть концептуализированы и отвечать экспериментальным фактам [3].

В специфике радикализации при скулшутинге мы выделяем следующие черты: автономность стрелка, длительная подготовка преступления, психическая вменяемость [15]. Скулшутинг, при котором личность не является психически вменяемой, должна быть описана другими моделями в рамках психиатрии. Как феномен, скулшутинг располагается на пересечении двух видов экстремизма: молодежного экстремизма и экстремизма одиночек (синонимичны термины «одиночный экстремизм», «одиночный терроризм», в зарубежных источниках — «терроризм волка-одиночки» («Lone Wolf Terrorism»)) [45].

Теоретической основой для разработки критериев склонности к экстремизму стала позиция J.R. Meloy и J. Yakeley, которые отмечают ведущую роль индивидуально-психологических характеристик в становлении склонности к экстремизму [46], в числе которых важнейшей является психологическая уязвимость личности, склонной к экстремизму [38; 45]. Склонность к экстремизму рассматривается нами как форма социально-психологической дезадаптации, которая связана с интерпретацией личностью жизненной ситуации через призму обид, отвращения и презрения к миру [50; 52], что приводит к неудовлетворенности жизненной ситуацией, психологической уязвимости перед экстремистским влиянием [38; 49]. Содержание и структура склонности к экстремизму в образовательной среде предлагается в данной статье на основе качественного анализа и систематизации косвенных свидетельств, формулируется гипотетическая модель радикализации личности при скулшутинге, приводятся результаты эмпирической проверки. В заключение обсуждается соответствие выявленных закономерностей эмпирическим данным, полученным другими исследователями.

Материалы и методы

Для теоретической разработки структуры склонности к экстремизму был произведен анализ кейса по материалам СМИ. Кейс составила история Владислава Рослякова (далее В.Р.), студента 4-го курса Керченского политехнического колледжа, организовавшего одиночное нападение в образовательном учреждении 17 октября 2018 года. В.Р. привел в действие

взрывное устройство и расстрелял из помпового ружья студентов и преподавателей, а после совершил самоубийство, что повторяет основные вехи нападения Э. Харриса и Д. Клиболда на школу «Колумбайн». Данный кейс может применяться для анализа личности, склонной к экстремизму, поскольку В.Р. был вменяем: за месяц до трагических событий для получения разрешения на оружие прошел все этапы медкомиссии, включая проверку у психиатра [28].

Для проверки гипотетической модели радикализации применялся 16-факторный опросник Р. Кеттелла. Подбор выборки осуществлялся по критериям доступности. Выборку составили 578 студентов 1—6-го курсов обучения (средний возраст 19,69) разных вузов России, которые были разделены на три группы с помощью скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер) [15] по уровню выраженности склонности к экстремизму. Статистические расчеты производились в программе Statistica 10.0. Непараметрический критерий Краскела—Уоллиса использовался для сравнения медианных значений факторов Кеттелла среди трех групп: без склонности к экстремизму ($n = 491$), имеющих склонность к экстремизму ($n = 63$) и имеющих выраженную склонность к экстремизму ($n = 24$). В результате были отобраны факторы Кеттелла, по которым среди групп наблюдались значимые различия ($p\text{-level} < 0,05$). Коэффициент корреляции Спирмена по данным общей выборки ($n = 578$) был применен для оценки корреляции между факторами Кеттелла и выраженностью склонности к экстремизму.

Анализ кейса

Постфактум можно выделить психологические черты и поведенческие признаки В.Р. как лица, совершившего суицид — вооруженное нападение на образовательное учреждение с последующим суицидом, мотивированное экстремистской идеологией «Колумбайн».

1. Апатия, безразличие к будущему и получаемой профессии, суицидальные мысли. Поведенческие признаки: высказывания о бессмысленности жизни, получаемой профессии, планируемом суициде (чаще в виртуальном общении) [2], соответствующие посты на странице соцсети [23]. В.Р. проявлял выраженное безразличие к производственной практике: не слушал преподавателя, ничего не делал, сидел, уткнувшись в телефон [9]. Суицидальные намерения подтверждаются рядом поведенческих признаков: сокрытие личной информации перед смертью — удаление из соцсетей [20], уничтожение детских фотографий [9] и электронных носителей с личной информацией (телефона и ноутбука) [32]. Экстремистское насилие в образовательном учреждении окончилось суицидом убийцы. Обобщающий критерий — «Признаки депрессивности», описание: «Пониженный фон настроения вплоть до апатии, пессимизм в оценке своих перспектив, утрата интересов, физическое недомогание (общая слабость, частые головные боли, трудность с концентрацией внимания и т. д.)». Характеристика «физическое недомогание» добавлена в связи с ожидаемым высоким показателем нейротизма.

2. Имел крайне малый круг общения, возможно, ограничивающийся собеседниками в Интернете [24]. Поведенческие признаки: в учебе держался обособленно [19], с большинством одноклассников практически не общался, они предполагали, что у него нет друзей [27]. Был скрытным и неразговорчивым с родителями [7]. Вел страницу в соцсети под вымышленным именем [2]. Отношения с родителями не отличались глубиной. После развода мать В.Р. посещала секту Свидетелей Иеговы, абстрагировалась от воспитания сына, не могла повлиять на него, отец В.Р. пил, запомнился соседям больше пьяным, чем трезвым [13]. Обобщающий критерий — «Одиночество», описание: «Общение с окружающими, сверстниками минимально или носит поверхностный и формальный характер (даже с родителями)».

3. Выраженная неприязнь в отношении ближайшего окружения и общества в целом. Поведенческие признаки: высказывания в виртуальном общении доверенным лицам, выражающие сильную неприязнь и презрение к окружению [2]; вербальная агрессия в Интернете, осуществляемая анонимно (оскорбления, угрозы расправой) [23]. Обобщающий критерий — «Дегуманизация окружающих», описание: «Противопоставляет свои ценности общепринятым, а себя — окружающему обществу, государству; демонстрирует нетерпимость и приверженность крайним мерам. Это проявляется в презрении и недоверии в отношении окружающих, во мнении, что другие люди не достойны права на жизнь».

4. Ощущение своей чуждости, инаковости, превосходства над окружением: «Я 3 года учился в колледже, друзей не завел. Нет единомышленников. Все какие-то убогие. И шутки тупые — у нас половые органы рисуют везде. Шмотки, техника, дома — это всех волнует» (здесь и далее приводятся цитаты из переписки, опубликованной в СМИ [2]). Ко времени совершения нападения В.Р. прекратил общение с семьей, одноклассниками («Привет-пока. Не более»). Обобщающий критерий — «Декларирование превосходства», описание: «Личность ставит себя выше других в интеллектуальном и моральном плане, что приводит к отчужденности».

5. Накопление недовольства и мотивы компенсации: В.Р. с ненавистью говорил о тех, с кем учился: «Вообще ненавижу этих людей, ненавижу таких тупых, как у нас в политехе учатся» [29], «Было бы неплохо всех перестрелять и самому...» [5]. В переписке писал: «Если бы ты знала, как я все ненавижу. Благо, я устрою себе отличный выпускной, и все это <нецензурная лексика> закончится» [2]. По словам свидетеля, В.Р. «...очень ненавидел техникум из-за злых преподавателей, он намекал, что отомстит им» [1]. По другим данным, при нападении на школу В.Р. прицельно застрелил завуча и одного из педагогов, разыскав их в рабочих кабинетах [6]. Обобщающий критерий — «Мотивы мести», описание: «Накопленные злоба, горечь и обиды, недовольство окружающими и миром в целом, сочетающиеся с желанием однажды отомстить».

6. Идеализация серийных убийц (например, А.Р. Чикатило) [2], «школьных стрелков», симпатизировал нацистам [23]. Поведенческие признаки: просмотр фильмов про школьные расстрелы; вступление в тематические группы в соцсети [20]; установка и использование фанатских модификаций для компьютерных игр жанра shooter с симулированием школьных расстрелов [12]. Увлечение холодным и огнестрельным оружием. Поведенческий признак: ношение оружия в образовательное учреждение — В.Р. 3 года носил оружие с собой [4]. Смерть как освобождение: «Благо, я сам решаю, где обрезать этот отрывок жизни» [2]. Обобщающий критерий — «Положительное отношение к смерти», описание: «Смерть считается решением многих проблем и собственного существования, что способствует предпочтению в информационном поле тем ненависти, насилия, разрушения и самой смерти».

Следует отметить дезадаптивный характер детско-родительских отношений, наличие у В.Р. травматических событий в детстве. Так, по свидетельству соседей, отец В.Р. бил, издевался над матерью и избивал ее [13]. Данный признак не был включен в критерии, поскольку мы исходили из задач диагностики склонности к экстремизму, а значит, предметом рассмотрения стал индивидуально-личностный уровень (индивидуально-психологические характеристики личности), а не уровень отношений. При этом травматический детский опыт является глубокой и перспективной темой для последующих исследований факторов склонности к экстремизму.

Также следует отметить, что были выявлены признаки, не вошедшие в критерии склонности к экстремизму, однако опосредующие специфику выявления лиц с экстремистскими тен-

денциями. Так, неспецифическим признаком является низкий уровень импульсивности и самоконтроль. Поведенческие признаки: внешнее спокойствие, вежливость с персоналом образовательного учреждения [18]. На низкую импульсивность и развитый самоконтроль указывает долговременное (около 10 месяцев) планирование акта насилия [14], а также характеристика свидетеля [26]. Р.В. посещал колледж в неброской повседневной одежде [26], не демонстрируя принадлежность к экстремистской субкультуре «Колумбайн» и не стремясь привлечь к себе внимание.

Потребность поделиться своими ценностями — напротив, признак специфичный, поскольку реализуется только в доверительных (равных) отношениях, что труднодостижимо в ситуации применения методики. Поведенческие признаки данной потребности: выказывание одобрения действиям убийц в школах [20] и серийных убийц [2]; обсуждение фильмов про школьные расстрелы [22]; прямое сообщение о своих намерениях доверенным лицам среди сверстников [2]. Этот признак указывает на принципиальную возможность диагностировать склонность к экстремизму у личности в образовательной среде, несмотря на попытки скрыть истинные мотивы.

Проведенный анализ кейса позволил выделить и раскрыть содержание основных составляющих склонности к экстремизму [15, с. 59], которые представляют собой критерии для диагностики данного феномена в образовательной среде (табл. 1). Выделенные в таблице 1 диагностические критерии были положены в основу методики Р.В. Кадырова, Т.В. Капустиной, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер; в ранней редакции — «Анкета для диагностики деструктивных (экстремистских) тенденций» [15], в поздних версиях — «Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму», надежность и валидность которого была подтверждена [17]. Далее соотнесем полученные психологические характеристики скулшутера с критериями склонности к экстремизму [15, с. 59].

Одиночество и длительная фрустрация общения восполняются компенсаторным декларированием превосходства, которое усугубляет разрыв связей с обществом и препятствует позитивному разрешению кризиса идентичности. При этом нарастает практика цинизма в отношении общества, окончательный разрыв связей со средой опосредует процесс дегуманизации.

Дегуманизация других, представление о мире и обществе как об убогом и неправильном месте опосредуют самоопределение личности, ее временную перспективу.

Таблица 1

Составляющие склонности к экстремизму

№ п/п	Критерий	Содержание критерия
1	Признаки депрессивности	Пониженный фон настроения вплоть до апатии, пессимизм в оценке своих перспектив, утрата интересов, физическое недомогание (общая слабость, частые головные боли, трудность в концентрации внимания и т. д.)
2	Одиночество	Общение с окружающими, сверстниками минимально или носит поверхностный и формальный характер (даже с родителями)
3	Дегуманизация окружающих	Противопоставляет свои ценности общепринятым, а себя — окружающему обществу, государству; демонстрирует нетерпимость и приверженность крайним мерам. Это проявляется в презрении и недоверии в отношении окружающих, во мнении, что другие люди не достойны права на жизнь
4	Декларирование	Личность ставит себя выше других в интеллектуальном и моральном

	превосходства	плане, что приводит к отчужденности
5	Мотивы мести	Накопленные злора, горечь и обиды, недовольство окружающими и миром в целом, сочетающиеся с желанием однажды отомстить
6	Положительное отношение к смерти	Смерть считается решением многих проблем и собственного существования, что способствует предпочтению в информационном поле тем ненависти, насилия, разрушения и самой смерти

Образ будущего мрачен; можно предположить, что самооценка колеблется от крайне низкой ввиду «отсутствия перспектив» к компенсаторной, неадекватно завышенной из-за дегуманизации других людей. Эмоциональный фон снижен, ресурсы личности истощены, возможна головная боль. Неблагоприятный социальный опыт, фрустрация потребности в интимно-личностном общении, признаки депрессивности в сочетании с тенденциями к накоплению обид и недовольство миром в целом приводят к мотиву мести. В результате мировоззренческий поиск приводит личность к предпочтению простых и понятных жестоких идеологий. Юношеская мечтательность ложится на канву той или иной экстремисткой идеологии: юноша идентифицирует себя с умершими убийцами, которые выступили против общества, что формирует положительное отношение к смерти.

Рассмотренные выше позиции позволили нам построить гипотетическую модель радикализации (рис. 1). Данная модель призвана отразить порядок образования основных составляющих склонности к экстремизму и взаимосвязи между ними в динамике. Мы предполагаем, что развитие склонности к экстремизму в юношеском возрасте происходит в условиях социальной дезадаптации и под влиянием выбора личностью негативной идентичности.

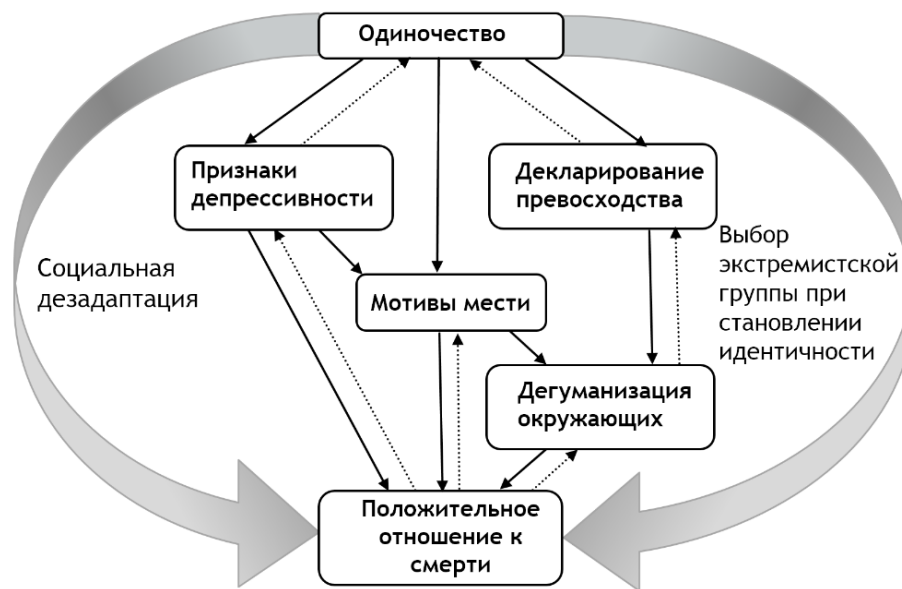

Рис. 1. Гипотетическая модель радикализации

Для эмпирической проверки модели радикализации были выделены факторы Кеттелла, отличающие лиц, склонных к экстремизму.

Критерий Краскелла—Уоллиса показал, что между группами с разным уровнем склонности к экстремизму существуют различия по восьми факторам Кеттелла из шестнадцати (p -level < 0,05). Применение коэффициента корреляции Спирмена выявило практически аналогичный паттерн факторов Кеттелла (табл. 2). Единственным отличием стала корреляция

склонности к экстремизму с фактором MD– (Низкая самооценка), который, по нашим данным, распространен во всех рассматриваемых юношеских группах, вне зависимости от наличия склонности к экстремизму.

Таблица 2

Факторы Кеттелла, сопутствующие радикализации личности и их систематизация относительно компонентов структуры склонности к экстремизму

Фактор	Q ₂₊	A–	L+	MD–	C–	O+	Q _{3–}	G–	Q ₄₊
Медиана	5/7/8	4/3/3	7/8/8	4/4/4	5/2/1	5/8/8	6/5/4	6/5/4	3/6/6
Критерий Краскела—Уоллиса, H	18,89	19,81	15,78	-	25,88	7,78	8,22	7,81	19,74
Коэфф. корр. Спирмена, R	0,45	–0,42	0,42	–0,47	–0,57	0,38	–0,42	–0,44	0,39
Компоненты склонности к экстремизму	Одиночество			Признаки депрессивности					
	Декларирование превосходства								
	Мотивы мести								
	Дегуманизация окружающих								
	Положительное отношение к смерти								

В табл. 2 приведены факторы Кеттелла: их медианные значения (в стенах), значения критерия Краскела—Уоллиса и коэффициента корреляции Спирмена, а также их соотнесение с компонентами склонности к экстремизму.

В табл. 2 полюс фактора Кеттелла указан для лиц с выраженной склонностью к экстремизму, при этом медианные значения приводятся в порядке возрастания риска радикализации: группа без склонности к экстремизму / с наличием склонности к экстремизму / с выраженной склонностью к экстремизму. Рассмотрим значения факторов Кеттелла, коррелирующие с повышением склонности к экстремизму.

Фактор Q₂₊ (Нонконформизм) интерпретируется как независимость и предпочтение собственных решений. Фактор A– (Замкнутость) связан с излишней строгостью в оценке других, скрытностью, склонностью к одиночеству. Фактор L+ (Подозрительность) связан с настороженностью по отношению к другим, склонностью к ревности, стремлением возложить вину за ошибки на окружающих, может проявляться в автономности и независимости. Фактор MD– (Низкая самооценка) проявляется в критичности по отношению к себе и недовольстве собой. Фактор C– (Эмоциональная нестабильность) характеризует низкую устойчивость к неприятностям в общении, раздражительность, утомляемость. Фактор O+ (Тревожность) включает также недовольство собой, депрессивность. Фактор Q_{3–} (Низкий самоконтроль) отражает внутреннюю конфликтность представлений о себе, может проявляться в нежелании следовать социальным требованиям. Фактор G– (Низкая нормативность) связан с избеганием социальных требований и норм, беспринципностью и возможным антисоциальным поведением. Фактор Q₄₊ (Напряженность) характеризует взвинченность, фрустрированность [16].

Полученные корреляции означают, что с ростом склонности к экстремизму возрастают подозрительность, замкнутость и отчужденность, недовольство собой и признаки депрессивности, увеличивается обидчивость и конфликтность, снижается нормативность поведения. Более детальное описание медианных значений и анализ различий среди трех групп приво-

дится в нашей публикации [33]. В настоящей статье полученные данные и их интерпретация рассматриваются с позиций эмпирической проверки предлагаемой модели радикализации. С этой целью мы систематизируем интерпретации факторов Кеттелла, коррелирующих со склонностью к экстремизму, с критериями экстремистских тенденций, а также осуществим попытку воссоздать механизм радикализации на основе эмпирических данных.

Обсуждение результатов

Как видно из табл. 2, признаки склонности к экстремизму отличаются по своему составу, и следует исходить из того, что каждый предыдущий этап создает базу для дальнейшего развития, приводя к появлению психических новообразований [8]. Проследим предполагаемые этапы радикализации.

1. *Одиночество* — включает независимость и нонконформизм (Q2+), недоверчивость, склонность держаться обособленно (A–), подозрительность, настороженность по отношению к людям, сложность в установлении контактов (L+). Вероятно, подозрительность, замкнутость и отчужденность приводят к проблемам в общении, а впоследствии — к одиночеству и социальной изоляции.

2. *Признаки депрессивности* — проявляются в тревожности, депрессивности (O+), низкой самооценке и излишней критичности по отношению к себе (O+, MD–), ранимости и низкой толерантности к фрустрации (O+, C–). Эмоциональная неустойчивость, уязвимость перед неудачами, мрачные раздумья о себе и своем будущем поддерживают сниженное настроение.

3. *Декларирование превосходства* — проявляется на фоне недовольства собой (MD–) при высокой критичности, излишней строгости в оценке людей (A–), эгоцентричности, раздражительности, обвинении других (L+), готовности отгородиться от окружения, демонстрируя автономность и независимость, желания доминировать в группе (Q2+). Нарушение отношения к самому себе и отношений с другими может приводить к компенсаторному самовозвеличиванию, когда личность стремится акцентировать внимание на чужих недостатках, отвлекаясь от переживания своих неудач. Можно предположить, что на этом этапе повышается восприимчивость к материалам экстремистского содержания, оправдывающих превосходство по какому-либо признаку, в поведении вероятно вербальная агрессия.

4. *Мотивы мести* — могут основываться на таких характеристиках, как эгоцентричность, склонность к ревности, стремление возложить ответственность за ошибки на окружающих (L+), сниженная самооценка (MD–), скрытность, ригидность (A–), неготовность к эмоциональной регуляции и подверженность настроению (C–, O+, Q3–), потворство своим желаниям (Q3–, G–), отсутствие согласия с общепринятыми моральными правилами (G–). Широкий круг вызывающих фрустрацию ситуаций из-за низкой эмоциональной устойчивости приводит к накоплению негативного опыта, который оборачивается обидами вследствие склонности винить окружающих. Ригидность мышления и депрессивность обеспечивают длительное переживание неудач, мысленное возвращение к неприятным ситуациям и поддерживают обиду. При индифферентном отношении к нормам морали, желание отомстить может обеспечить высокую восприимчивость к материалам экстремистского содержания.

5. *Дегуманизация окружающих* — базируется на склонности противопоставлять себя группе (L+, Q2+), отчужденности (A–), неадекватно низкой самооценке (O+, MD–), депрессивности (O+), эмоциональной неустойчивости и раздражительности (C–), неумении контролировать свои эмоции и поведение, потворстве своим желаниям (G–, Q3–), свободе от влияния социальных норм (G–). Дегуманизация служит объяснением длительного психического напряжения, одиночества и психологического неблагополучия, подкрепляет представления о

собственном превосходстве и позволяет окончательно отделиться от других людей. На этом этапе личность имеет наивысшую восприимчивость к экстремистскому контенту, поскольку производит его самостоятельно.

6. *Положительное отношение к смерти* – соотносится с такими индивидуально-психологическими характеристиками, как отчужденность и автономность (A–, L+), противопоставление себя группе и желание в ней доминировать (Q2+), импульсивность, неумение контролировать свои эмоции и поведение (C–, G–, Q3), беспринципность и склонность к асоциальному поведению (G–), готовность действовать (Q4+), неуверенность в себе (MD–) и чувствительность к одобрению (O+). При радикализации личности стремление заслужить одобрение переносится на идеальную группу (скулшутеры, массовые убийцы, их последователи и сторонники). Положительное и одобрительное отношение к смерти (своей и чужой) становится итогом предыдущих новообразований; на этом этапе происходит проявление склонности к экстремизму в деятельности, что сказывается на круге интересов, предпочтений информационных материалов и увлечениях.

Итак, в нашей гипотетической модели радикализации Одиночество и Признаки депрессивности опосредованы индивидуально-психологическими характеристиками личности, которые являются основой социально-психологической дезадаптации личности по вектору радикализации. Действительно, нарастание одиночества и опыта негативного социального взаимодействия усугубляют радикализацию личности [35; 39; 47], которая начинает проявлять интерес к радикальному онлайн-контенту и может быть вовлечена в экстремистские группы [47]. Связь одиночества с признаками депрессивности изучена достаточно широко [37; 40; 43; 44], есть данные о связи социальной изоляции с декларированием превосходства [41] и мотивами мести [34; 51].

Согласно гипотетической модели, наличие мотивов мести и стремление декларировать превосходство при радикализации личности проявляются в склонности к обезчеловечиванию людей, что относительно легко приводит к идее отказа другим в праве на жизнь. Согласно Т.П. Мильчарек и Н.А. Мильчарек, одним из признаков скулшутера является непонимание значимости всего живого [21]. Это может объясняться как стремление обрести всемогущий контроль над объектом путем его убийства, что воплощается в идентификации со смертью и идеализации смерти [46]. Так, наличие в сознании депрессивных настроений, желания отомстить, склонности к дегуманизации воплощаются в деятельности в поиске информации по темам насилия и убийства, оружия, в оправдании и героизации экстремистов, убийц и террористов (выбор экстремистской группы при становлении идентичности). Как отмечают J.R. Meloy и J. Yakeley, интерес к насилию и смерти связан со спецификой идентификации у личности, склонной к экстремизму, и проявляется в чувстве привязанности и восхищения по отношению к скулшутерам, одиночным террористам, массовым убийцам [46]. Вероятно, положительное отношение к смерти отличает наиболее радикализованную личность с выраженной склонностью к экстремизму. Это может означать, что данный критерий специфичен для групп лиц, готовых совершить экстремистское насилие с последующим суицидом (попыткой суицида), а значит, практически не представлен в популяции. Действительно, расчеты при разработке автоматического скрининга соцсетей показали, что темы «убийства» и «оружия» наиболее точно соответствуют потенциальному стрелку [48].

Связь таких критериев, как Одиночество, Признаки депрессивности и Положительное отношение к смерти, отмечают Л.Б. Шнейдер и Н.В. Сургучева. Авторы описывают наложение социальной дезадаптации и конфликта (внешнего или внутреннего) из-за прохождения возрастных и экзистенциальных кризисов, когда мучительные переживания и чувство беспер-

спективности являются критической точкой для возникновения суицидальной фазы. Разочарование, отвержение и обесценивание реалий бытия сменяет танатос-центрация, переходящая впоследствии в танатос-влечение. На этих этапах происходит зарождение и развитие суицидальных намерений, которые впоследствии могут инициировать реальные действия, направленные на самоуничтожение [31].

Предложенная модель радикализации предполагает следующий прогноз. Уже на этапе декларирования превосходства личность со склонностью к экстремизму способна самостоятельно производить экстремистские идеи и высказывания, а также находить экстремистские материалы в Интернете, затем активно вовлекаться в соответствующие онлайн-группировки и даже организовывать их, в процессе чего будет происходить саморадикализация онлайн. Этот сценарий соответствует теоретическим воззрениям Л.В. Шабанова и Е.В. Мороденко на экстремизм как на форму *выбранной* социальной дезадаптации, при которой движущей силой процесса десоциализации является реализация собственных смысловых установок личности, ее самоопределение [30]. С точки зрения правовой психологии, в этом случае происходит индивидуальная криминализация, описывающая самововлечение, самодетерминацию индивида в криминальную деятельность, которая затем осуществляется автономно, без воздействия преступной группы [25]. Таким образом, радикализация личности несет высокие риски для личности и общества, однако этот процесс предполагает возможности своевременного выявления и психологической коррекции.

Ограничения данного исследования включают особенности скрининг-метода, который на данном этапе разработки не позволяет оценить удельный вес отдельных компонентов структуры склонности к экстремизму. Несмотря на полученные теоретические и эмпирические свидетельства, наша позиция относительно того, как именно происходит становление склонности к экстремизму, остается гипотетической и дискуссионной, что требует дальнейших исследований.

Выводы

На основе анализа кейса представлена структура склонности к экстремизму, обоснована гипотетическая модель радикализации. По результатам эмпирического исследования можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, отсутствие противоречий между полученными данными и содержанием склонности к экстремизму подтверждает наши представления о ее структуре. Структура склонности к экстремизму включает следующие критерии: Одиночество, Признаки депрессивности и Декларирование превосходства, Мотивы мести, Дегуманизация окружающих, Положительное отношение к смерти.

Во-вторых, можно выдвинуть предположение, что замкнутость и отчужденность, недовольство собой, признаки депрессивности, подозрительность, незрелость личности, конфликтность, низкая нормативность, готовность действовать составляют устойчивый паттерн, который характеризует лиц, склонных к экстремизму.

В-третьих, модель развития склонности к экстремизму нашла эмпирические подтверждения и позволяет предположить в основе психологического механизма радикализации процесс социальной дезадаптации — вывод, значимый для разработки программ психологической помощи, направленных на предотвращение радикализации личности.

Литература

1. Байков А. Буллинг и колумбайн. Несправедливость — источник российского насилия [Электронный ресурс] // Новая газета. 22.10.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/21/78284-bulling-i-kolumbaun> (дата обращения: 03.04.2022).
2. Боброва И., Копылов С. Секретная переписка «керченского стрелка»: «Какие у тебя планы?» — «Умереть» [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 5.11.2018. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/05/> (дата обращения: 01.08.2023).
3. Бовин Б.Г., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Бовина И.Б. К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде [Электронный ресурс] // Пенитенциарная наука. 2023. Том 17. № 1 (61). С. 89–97. doi:10.46741/2686-9764.2023.61.1.010
4. Был нелюдимым и ходил со штык-ножом: Однокурсники охарактеризовали предполагаемого убийцу 19 человек в Керчи [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 17.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26895/3940454/> (дата обращения: 01.08.2023).
5. Взрыв в колледже в Керчи. Как это было [Электронный ресурс] // РБК. 17.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/textonlines/17/10/2018/5bc70a119a7947412a76abe9> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Восстановлена картина бойни в керченском колледже [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 17.10.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/17/source/> (дата обращения: 10.10.2023).
7. Вскрылись важные подробности того, чем Росляков занимался дома [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 18.10.2018. URL: <https://topwar.ru/148569-vskrylis-vazhnyepodrobnosti-togo-chem-rosljakov-zanimalsja-doma.html> (дата обращения: 01.08.2023).
8. Выготский Л.С. Основы дефектологии. М.: Педагогика. 1983. 368 с.
9. Где керченский стрелок взял деньги на оружие [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 20.10.2018. URL: <https://www.kpsport.ru/daily/26897.7/3941617/> (дата обращения: 01.08.2023).
10. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими [Электронный ресурс] // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.10.2023).
11. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215
12. Друг студента, устроившего теракт в колледже: «Он играл в компьютерные игры, где нужно расстреливать школу» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 17.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896.4/3940460/> (дата обращения: 01.08.2023).
13. Жизнь керченского стрелка: отец угрожал соседям саблями, мать бедствовала [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 18.10.2018. URL: <https://www.mk.ru/incident/2018/10/18/zhizn-kerchenskogo-strelka-otec-ugrozhsosedyamsabley-mat-bedstvovala.html> (дата обращения: 01.08.2023).
14. Источник рассказал о подготовке керченского стрелка к преступлению [Электронный ресурс] // РИА Новости. 20.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181020/1531114891.html> (дата обращения: 01.08.2023).
15. Кадыров Р.В., Капустина Т.В., Садон Е.В., Эльзесер А.С. Психологическая диагностика и профилактика экстремистских тенденций в образовательной среде: Учебно-методическое пособие. Ульяновск: Зебра, 2021. 89 с.
16. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб: Речь, 2001. 112 с.

17. *Капустина Т.В., Эльзесер А.С.* Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму у школьников и студентов. Ульяновск: Зебра, 2022. 52 с.
18. Керченский стрелок был «тихий и спокойный», сообщил его однокурсник [Электронный ресурс] // РИА Новости. 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531023041.html> (дата обращения: 01.08.2023).
19. *Кожедуб А.* «Мы не знаем до конца, что произошло» [Электронный ресурс] // Новая газета. 19.10.2018. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/10/18/78248-my-ne-znaem-do-kontsa-chto-proizoshlo> (дата обращения: 01.08.2023).
20. «Круто было бы устроить бойню»: керченский стрелок рассказывал друзьям о своих планах атаки на колледж [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896/3940895/> (дата обращения: 01.08.2023).
21. *Мильчарек Т.П., Мильчарек Н.А.* Психологическая диагностика экстремизма, терроризма и скулшутинга. Омск: ОмГТУ, 2021. 236 с.
22. Отец одноклассника керченского стрелка: Не нужно делать из Рослякова жертву, никто в колледже над ним не издевался [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943454/> (дата обращения: 01.08.2023).
23. «Поддерживал нацистов Украины, играл в стрелялки и хотел быть похожим на Курта Кобейна»: что постил керченский стрелок у себя в соцсетях [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 25.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943645/> (дата обращения: 01.08.2023).
24. Подруга керченского стрелка: «Влад показал ружье и сказал, что хочет устроить Колумбайн. А я не поверила» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 27.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26900.7/3944888/> (дата обращения: 01.08.2023).
25. *Романова Н.М.* Генезис вовлечения личности в криминальную деятельность [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Том 14. № 3. С. 92–97. doi:10.18500/1819-7671-2014-14-3-92-97
26. Священник храма, возле которого напали на колледж: «Одноклассники говорят, что у него был куратор» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 19.10.2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26896/3941098/> (дата обращения: 01.08.2023).
27. Следователи выяснили, что у керченского стрелка не было друзей [Электронный ресурс] // РИА Новости. 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531028119.html> (дата обращения: 01.08.2023).
28. Специалист составил психологический портрет убийцы из Керчи [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2.11.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181102/1531989989.html> (дата обращения: 01.08.2023).
29. «Убийцей не рождаются, им становятся» [Электронный ресурс] // Вести образования. 19.10.2018. URL: https://vogazeta.ru/articles/2018/10/19/analytics/4976-ubiytsey_ne_rozhdayutsya_im_stanovyatsya (дата обращения: 10.10.2023).
30. *Шабанов Л.В., Мороденко Е.В.* Динамика изменений личности студента в процессе социальной адаптации к новым условиям жизни. Прокопьевск: КузГТУ, 2015. 195 с.
31. *Шнейдер Л.Б., Сургучева Н.В.* Эго-восприятие и танатос-центрация как источники суицида в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 189–214. doi:10.17759/psyclin.2019080112
32. Эксперты изучают ноутбук керченского убийцы [Электронный ресурс] // РИА Новости. 22.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181022/1531173015.html?inj=1> (дата обращения: 01.08.2023).

33. Эльзесер А.С., Капустина Т.В., Кадыров П.В. Склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2023. Том 44. № 3. С. 36–48. doi:10.31857/S020595920026155-6
34. Barcaccia B., Hartstone J.M., Pallini S., Petrocchi N., Salianni A.M., Medvedev O.N. Mindfulness, Social Safeness and Self-Reassurance as Protective Factors and Self-Criticism and Revenge as Risk Factors for Depression and Anxiety Symptoms in Youth // *Mindfulness*. 2022. Vol. 13. P. 674–684. doi:10.1007/s12671-021-01824-0
35. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4(4). doi:10.5038/1944-0472.4.4.1
36. Ellis A. *Anger. How to live with and without it*. New York: Citadel Press Books, 2003. 208 p.
37. Hämmig O. Correction: Health risks associated with social isolation in general and in young, middle and old age // *PLOS One*. 2019. Vol. 14(8). doi:10.1371/journal.pone.0222124
38. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review // *Adolescent Research Review*. 2020. Vol. 5. doi:10.1007/s40894-019-00108-y
39. Haslam N. Dehumanization and the lack of social connection // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 43. P. 312–316. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.013
40. Helm P.J., Medrano M.R., Allen J.J. B., Greenber, J. Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2020. Vol. 39(8). P. 641–674. doi:10.1521/jscp.2020.39.8.641
41. Hogg M. A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32(2). P. 235–268. doi:10.1080/10463283.2020.1827628
42. Karpova A., Savelev A., Maksimova N. Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case) // *Social Sciences*. 2021. Vol. 10(12). doi:10.3390/socsci10120477
43. Lee C.M., Cadigan J.M., Rhew I.C. Increases in Loneliness Among Young Adults During the COVID-19 Pandemic and Association with Increases in Mental Health Problems // *Journal of Adolescent Health*. 2020. Vol. 67(5). P. 714–717. doi:10.1016/j.jadohealth.2020.08.009
44. Matthews T., Caspi A., Danese A., Fisher H., Moffitt T., Arseneault L. A longitudinal twin study of victimization and loneliness from childhood to young adulthood // *Development and Psychopathology*. 2022. Vol. 34(1). P. 367–377. doi:10.1017/S0954579420001005
45. McCauley C., Moskalenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual from Radical Opinion to Radical Action // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26(1). P. 4–24. doi:10.1080/09546553.2014.849916
46. Meloy J.R., Yakeley J. The Violent True Believer as a “Lone Wolf” — Psychoanalytic Perspectives on Terrorism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. Vol. 32(3). P. 347–365. doi:10.1002/bsl.2109
47. Mitts T. From Isolation to Radicalization: Anti-Muslim Hostility and Support for ISIS in the West // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 113(1). P. 1–22. doi:10.1017/s0003055418000618
48. Neuman Y., Lev-Ran Y., Erez E.Sh. Screening for potential school shooters through the weight of evidence // *Heliyon*. 2020. Vol. 6(10). doi:10.1016/j.heliyon.2020.e05066
49. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020. Vol. 61(5). P. 642–651. doi:10.1111/sjop.12636

50. Saucier G., Akers L.G., Shen-Miller S., Knežević G., Stankov L. Patterns of Thinking in Militant Extremism // *Perspectives on Psychological Science*. 2009. Vol. 4(3). P. 256–271. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01123.x
51. Silva Rebelo M.J. da, Fernánde M., Meneses-Falcón C. Chewing Revenge or Becoming Socially Desirable? Anger Rumination in Refugees and Immigrants Experiencing Racial Hostility: Latin-Americans in Spain // *Behavioral Sciences*. 2022. Vol. 12(6). doi:10.3390/bs12060180
52. Stankov L. From social conservatism and authoritarian populism to militant right-wing extremism // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 175(5). doi:10.1016/j.paid.2021.110733

References

1. Baikov A. Bulling i kolumbain. Nespravedlivost' — istochnik rossiiskogo nasiliya [Elektronnyi resurs]. *Novaya gazeta = Novaya Gazeta*, 22.10.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/21/78284-bulling-i-kolumbayn> (Accessed 03.04.2022). (In Russ.).
2. Bobrova I., Kopylov S. Sekret'naya perepiska “kerchenskogo strelka”: “Kakie u tebya plany?” — “Umeret” [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii komsomolets = Moskovskii Komsomolets*, 5.11.2018. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/05/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
3. Bovin B.G., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Bovina I.B. K probleme otsenki riska radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede [Assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment] [Elektronnyi resurs]. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023. Vol. 17, no. 1 (61), pp. 89–97. doi:10.46741/2686-9764.2023.61.1.010 (In Russ.).
4. Byl nelyudimym i khodil so shtyk-nozhom: Odnokursniki okharakterizovali predpolagaemogo ubiitsu 19 chelovek v Kerchi [Elektronnyi resurs]. *Komsomol'skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 17.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26895/3940454/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
5. Vzryv v kolledzhe v Kerchi. Kak eto bylo [Elektronnyi resurs]. *RBK = RBK*, 17.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/textonlines/17/10/2018/5bc70a119a7947412a76a6e9> (Accessed 10.10.2023). (In Russ.).
6. Vosstanovlena kartina boini v kerchenskom kolledzhe [Elektronnyi resurs]. *Lenta.ru*, 17.10.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/17/source/> (Accessed 10.10.2023).
7. Vskrylis' vazhnye podrobnosti togo, chem Roslyakov zanimal'sya doma [Revealed important details of what Roslyakov did at home] [Elektronnyi resurs]. *Voennoe obozrenie = Military Review*, 18.10.2018. URL: <https://topwar.ru/148569-vskrylis-vazhnye-podrobnosti-togo-chem-roslyakov-zanimal'sya-doma.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
8. Vygot'skiy L.S. Osnovy defektologii. Moscow: Pedagogika. 1983. 368 p. (In Russ.).
9. Gde kerchenskii strelok vzyal den'gi na oruzhie [Elektronnyi resurs]. *Komsomol'skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 20.10.2018. URL: <https://www.kpsport.ru/daily/26897.7/3941617/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
10. Edinyi federal'nyi spisok organizatsii, v tom chisle inostrannykh i mezhdunarodnykh organizatsii, priznannykh v sootvetstvi s zakonodatel'stvom Rossiiskoi Federatsii terroristicheskimi [Elektronnyi resurs]. *Federal'naya sluzhba bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii*. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (Accessed 10.10.2023). (In Russ.).
11. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Otsenka riska radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede: potentsial sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya [Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).

12. Drug studenta, ustroivshego terakt v kolledzhe: “On igral v komp’yuternye igry, gde nuzhno rasstrelivat’ shkolu” [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 17.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896.4/3940460/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
13. Zhizn’ kerchenskogo strelka: otets ugrozhal sosedyam sablei, mat’ bedstvovala [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii komsomolets = Moskovskii Komsomolets*, 18.10.2018. URL: <https://www.mk.ru/incident/2018/10/18/zhizn-kerchenskogo-strelka-otec-ugrozhalsosedyam-sabley-mat-bedstvovala.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
14. Istochnik rasskazal o podgotovke kerchenskogo strelka k prestupleniyu [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 20.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181020/1531114891.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
15. Kadyrov R.V., Kapustina T.V., Sadon E.V., Elzesser A.S. Psikhologicheskaya diagnostika i profilaktika ekstremistskikh tendentsii v obrazovatel’noi srede: Uchebno-metodicheskoe posobie. Ulyanovsk: Zebra, 2021. 89 p. (In Russ.).
16. Kapustina A.N. Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella. Saint Petersburg: Rech’, 2001. 112 p. (In Russ.).
17. Kapustina T.V., Elzesser A.S. Skringing-metod dlya diagnostiki sklonnosti k ekstremizmu u shkol’nikov i studentov. Ulyanovsk: Zebra, 2022. 52 p. (In Russ.).
18. Kerchenskii strelok byl “tikhii i spokoinyi”, soobshchil ego odnokursnik [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531023041.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
19. Kozhedub A. “My ne znaem do kontsa, chto proizoshlo” [Elektronnyi resurs]. *Novaya gazeta = Novaya Gazeta*, 19.10.2018. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/10/18/78248-my-ne-znaem-do-kontsa-chto-proizoshlo> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
20. “Kruto bylo by ustroit’ boinyu”: kerchenskii strelok rasskazyval druz’yam o svoikh planakh ataki na kolledzh [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896/3940895/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
21. Milcharek T.P., Milcharek N.A. Psikhologicheskaya diagnostika ekstremizma, terrorizma i skulshutinga. Omsk: OmGTU Publ., 2021. 236 p. (In Russ.).
22. Otets odnogruppernika kerchenskogo strelka: Ne nuzhno delat’ iz Roslyakova zhertvu, nikto v kolledzhe nad nim ne izdevalsya [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943454/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
23. “Podderzhival natsistov Ukrainy, igral v strelyalki i khotel byt’ pokhozhim na Kurta Kobeina”: chto postil kerchenskii strelok u sebya v sotssetyakh [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 25.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943645/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
24. Podruga kerchenskogo strelka: “Vlad pokazal ruzh’e i skazal, chto khochet ustroit’ Kolumbain. A ya ne poverila” [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 27.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26900.7/3944888/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
25. Romanova N.M. Genezis вовлечениа личности в криминал’ную деятельность [Genesis of the involvement of the person in criminal activity] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014. Vol. 14, no. 3, pp. 92–97. doi:10.18500/1819-7671-2014-14-3-92-97 (In Russ.).

26. Svyashchennik khrama, voze kotorogo napali na kolledzh: “Odnogruppniki govoryat, chto u nego byl curator” [Elektronnyi resurs]. *Komsomol'skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 19.10.2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26896/3941098/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
27. Sledovateli vyyasnili, chto u kerchenskogo strelka ne bylo druzei [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531028119.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
28. Spetsialist sostavil psikhologicheskii portret ubiitsy iz Kerchi [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 2.11.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181102/1531989989.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
29. “Ubiitsej ne rozhdayutsya, im stanovyatsya” [Elektronnyi resurs]. *Vesti obrazovaniya = Vesti Obrazovaniya*, 19.10.2018. URL: https://vogazeta.ru/articles/2018/10/19/analytics/4976-ubiitsey_ne_rozhdayutsya_im_stanovyatsya (Accessed 10.10.2023). (In Russ.).
30. Shabanov L.V., Morodenko E.V. Dinamika izmenenii lichnosti studenta v protsesse sotsial'noi adaptatsii k novym usloviyam zhizni. Prokopyevsk: KuzGTU Publ., 2015. 195 p. (In Russ.).
31. Shneyder L.B., Surgucheva N.V. Ego-vospriyatie i tanatos-tsentratsiya kak istochniki suitsida v podrostkovom vozraste [Ego-Perception and Thanatos-Centration as Sources of Suicide in Adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2019. Vol. 8, no. 1, pp. 189–214. doi:10.17759/psyclin.2019080112 (In Russ.).
32. Eksperty izuchayut noutbuk kerchenskogo ubiitsy [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 22.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181022/1531173015.html?injs=1> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
33. Elzesser A.S., Kapustina T.V., Kadyrov R.V. Sklonnost' k ekstremizmu v kontekste sotsial'no-psikhologicheskoi dezadaptatsii lichnosti [Propensity to Extremism in the Context of Socio-Psychological Maladjustment] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2023. Vol. 44, no. 3, pp. 36–48. doi:10.31857/S020595920026155-6 (In Russ.).
34. Barcaccia B., Hartstone J.M., Pallini S., Petrocchi N., Saliani A.M., Medvedev O.N. Mindfulness, Social Safeness and Self-Reassurance as Protective Factors and Self-Criticism and Revenge as Risk Factors for Depression and Anxiety Symptoms in Youth. *Mindfulness*, 2022. Vol. 13, pp. 674–684. doi:10.1007/s12671-021-01824-0
35. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2011. Vol. 4, no. 4. doi:10.5038/1944-0472.4.4.1
36. Ellis A. Anger. How to live with and without it. New York: Citadel Press Books, 2003. 208 p.
37. Hämmig O. Correction: Health risks associated with social isolation in general and in young, middle and old age. *PLOS One*, 2019. Vol. 14, no. 8. doi:10.1371/journal.pone.0222124
38. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review. *Adolescent Research Review*, 2020. Vol. 5. doi:10.1007/s40894-019-00108-y
39. Haslam N. Dehumanization and the lack of social connection. *Current Opinion in Psychology*, 2022. Vol. 43, pp. 312–316. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.013
40. Helm P.J., Medrano M.R., Allen J.J. B., Greenber, J. Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2020. Vol. 39, no. 8, pp. 641–674. doi:10.1521/jscp.2020.39.8.641
41. Hogg M. A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 2021. Vol. 32, no. 2, pp. 235–268. doi:10.1080/10463283.2020.1827628
42. Karpova A., Savelev A., Maksimova N. Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case). *Social Sciences*, 2021. Vol. 10, no. 12. doi:10.3390/socsci10120477

43. Lee C.M., Cadigan J.M., Rhew I.C. Increases in Loneliness Among Young Adults During the COVID-19 Pandemic and Association with Increases in Mental Health Problems. *Journal of Adolescent Health*, 2020. Vol. 67, no. 5, pp. 714–717. doi:10.1016/j.jadohealth.2020.08.009
44. Matthews T., Caspi A., Danese A., Fisher H., Moffitt T., Arseneault L. A longitudinal twin study of victimization and loneliness from childhood to young adulthood. *Development and Psychopathology*, 2022. Vol. 34, no. 1, pp. 367–377. doi:10.1017/S0954579420001005
45. McCauley C., Moskalkenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual from Radical Opinion to Radical Action. *Terrorism and Political Violence*, 2014. Vol. 26, no. 1, pp. 4–24. doi:10.1080/09546553.2014.849916
46. Meloy J.R., Yakeley J. The Violent True Believer as a “Lone Wolf” — Psychoanalytic Perspectives on Terrorism. *Behavioral Sciences and the Law*, 2014. Vol. 32, no. 3, pp. 347–365. doi:10.1002/bsl.2109
47. Mitts T. From Isolation to Radicalization: Anti-Muslim Hostility and Support for ISIS in the West. *American Political Science Review*, 2018. Vol. 113, no. 1, pp. 1–22. doi:10.1017/s0003055418000618
48. Neuman Y., Lev-Ran Y., Erez E.Sh. Screening for potential school shooters through the weight of evidence. *Heliyon*, 2020. Vol. 6, no. 10. doi:10.1016/j.heliyon.2020.e05066
49. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2020. Vol. 61, no. 5, pp. 642–651. doi:10.1111/sjop.12636
50. Saucier G., Akers L.G., Shen-Miller S., Knežević G., Stankov L. Patterns of Thinking in Militant Extremism. *Perspectives on Psychological Science*, 2009. Vol. 4, no. 3, pp. 256–271. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01123.x
51. Silva Rebelo M.J. da, Fernánde M., Meneses-Falcón C. Chewing Revenge or Becoming Socially Desirable? Anger Rumination in Refugees and Immigrants Experiencing Racial Hostility: Latin-Americans in Spain. *Behavioral Sciences*, 2022. Vol. 12, no. 6. doi:10.3390/bs12060180
52. Stankov L. From social conservatism and authoritarian populism to militant right-wing extremism. *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 175, no. 5. doi:10.1016/j.paid.2021.110733

Информация об авторах

Эльзессер Анастасия Сергеевна, преподаватель, кафедры общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России (ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Information about the authors

Anastasiya S. Elzesser, Lecturer, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Получена 27.08.2023
Принята в печать 30.12.2023

Received 27.08.2023
Accepted 30.12.2023